

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ — НАШИ ДНИ

О романе В. Замыслова „Белая роща“

В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ аннотации говорится, что действие романа Валерия Замыслова «Белая роща»^{*} разворачивается в одной из нечерноземных областей в наши дни.

Понятно, географическая точность — не самое важное при анализе художественного произведения. Но поскольку мы находим в романе названия хорошо известных нам сел и деревень, рек и речек, а озеро Орень в обратном направлении читается как Неро (только откиньте мягкий знак), постольку становится ясно: место действия — наша область, точнее — Ростовский район, где многие годы живет и работает автор.

Возможно, обстоятельство, связанное с разгадкой немудреной авторской хитрости «Орень — Неро», и делает дотошного читателя особенно «привередливым» — он сравнивает отображение явлений и событий, описанных в романе, с тем, что повседневно видит, к чему лично причастен; короче говоря, — с правдой жизни. Отклики на роман «Белая роща» противоречивы. Одни отмечают смелость писателя, «идущего по горячим следам событий». Другие, мимоходом касаясь содержания книги, критикуют автора за спешку и скороспесь, находят, что сюжет романа местами рыхл, что в нем немало побочного, строго говоря — лишнего.

Между тем как проблемы, поставленные в романе, их конкретное сравнение с реальной жизнью, так и способ художественного воплощения их в характерах, действиях и поступках героев требуют, на наш взгляд, вдумчивого, объективного рассмотрения.

Итак, в широком смысле

^{*} Верхне-Волжское книжное издательство, 1979 г.

тема романа — преобразование земель одного из районов нашего российского Нечерноземья и вместе с этим — преобразование всего уклада сельской жизни, крестьянского труда и быта. Новые масштабы требуют и во многом новых методов руководства.

Вот на этом горячем пладарме — от поля и фермы до райкома и обкома партии — и разворачиваются в романе события, возникают и преодолеваются конфликты, сталкиваются характеры, идеи, стиль и методы работы, различные, порой трудно совместимые, а то и противоположные жизненные позиции.

Роман густо (местами чрезмерно) населен действующими лицами. Тут секретари Приозерского райкома партии: Звягинцев (один из главных героев романа, по замыслу личность творческого размаха), Чеканов (приспособленец с замашками карьериста) и Карелин (начинающий и уже подающий надежды партработник); а также председатель райисполкома Каштанов, предпочитающий волевые методы руководства; инициативный и прямолинейный в принципиальных спорах секретарь колхозного парткома Ветлугин, и рядом с ним прижимистый, как бы стихийный экономист-самородок председатель колхоза Удалов; молодой, энергичный и бескомпромиссный редактор районной газеты Арсеньев, ученый-антиподы Арбенкин и Гольдин, другие работники разных звеньев руководства и управления.

Но не только они. В романе живут и действуют, радуясь и горюя, вершат свои повседневные дела рядовые труженики полей и

ферм. Среди них человек творческой жилки, опытный механизатор Мамонов, его любимица и подшефная трактористка Дашутка Авдеева, привлекающая романтичностью характера, и их товарищи. Тут и семья плотника-умельца Григория Крапивина и лучшей доярки Марии Даниловны, их Аленька, хлебнувшая лиха в неудавшейся личной жизни. В их среде и юноша трудной судьбы Глеб Седов, которому, как и Аленьке Крапивиной, только труд в коллективе да его заботливое внимание помогут вновь расправить крылья.

Есть в романе и антиподы нашей морали, вроде несправедливого рецидивиста Славки Кержака и замаскировавшегося проходимца председателя сельпо Лютикова, в сети которого попала любительница сладкой жизни неудавшийся агроном Сонечка.

Словом, роман многопланов. Его герои не только трудятся на полях и фермах, руководят колхозами и районом — у них есть и «личная жизнь». Дружба и любовь.

Но обратимся к главной линии романа. После лирического пролога, воспевающего белую (березовую) рощу, автор сразу же выводит повествование на самый стрекательный сюжет — знакомит читателя с обстановкой, с главными героями. В областном центре состоялся пленум обкома партии. Доклад на нем «вызвал огромный интерес». Первый секретарь Приозерского райкома Григорий Звягинцев возбужденно говорит председателю колхоза «Авангард»:

— Тридцать пять миллионов на пятилетку, на одну нашу зону. Размах! Тебе и не снилось, Удалов!

Удалов отвечает Звягинцеву:

— Работы много, попогеть придется, секретарь...

За этим диалогом (заметьте в скобках, не очень выразительным) — конкретные задачи: в Приозерском районе только в котловине озера Орень, содержащего миллионы тонн сапропеля, предстоит мелиорировать, окультурить сто двадцать тысяч гектаров заболоченных земель, потенциально очень плодородных. Это вместе с другими мерами призвано преобразовать земледелие, а вслед за ним и животноводство, в решающей степени изменить не только экономику района, но и весь облик сел и деревень.

Звягинцев был самокритичен в выступлении на пленуме обкома. «На район бочку накатил», как сказал председатель райисполкома Каштанов. С этого дождливого спора-разговора двух руководителей района, возвращающихся из областного центра, и начинается в романе острое столкновение двух стилей руководства. В основе одного из них (Звягинцев) — ставка на убеждение, на развитие инициативы, творческий поиск нового, сознательность исполнителей, рождающая активность. В основе другого (Каштанов) — нажим, сугубо волевые методы руководства, вера во всемогущество директивы.

У того и другого стиля в Приозерском районе есть приверженцы и противники, и борьба между ними, подспудная и открытая, то и дело вспыхивает на страницах романа, что нередко придает ему идейную и сюжетную заостренность.

В этом плане наиболее ха-

рактерны образы Григория Петровича Звягинцева и Ивана Семеновича Каштанова.

Для Звягинцева жизнь района — его жизнь со всеми радостями и огорчениями. В противовес горячему, резкому и самолюбивому Каштанову, привыкшему любой ценой добиваться успеха, Звягинцев по самой своей сути аналитик, способный в любой обстановке найти подход к людям и убедить их, умеющий не только учить (а не поучать) массы, но и учиться у них.

И Звягинцев и Каштанов непримиримы к разболтанности, но и это качество выражается у них по-разному.

Работая «как вол», властный Каштанов предпочитает «твердость руководства», что в его понимании означает: накалять обстановку. Для этого он совершает выезды в хозяйства с шумом-разгоном и вызовы в райцентр «на ковер» для строгих официальных разговоров, а беседы по душам считает «интеллигентским сюсюканьем». Вот он нагнул на стан, а там тракторы на приколе. «Назююкались» трактористы. «Разгневался — и в избу, за грудки трясет, а те лыка не вяжут. Долго не думая, обоих подмышки — силы не занимать — и в пруд. Те забарахтались, на берег полезли, а он их назад пихает, пока из мужиков всю дурь не вышиб. А потом на стан привел: «Пашите и чтоб без единого огреха. А не то пеняйте на себя».

Усвоив командный стиль, Каштанов не терпит возражений, а новые, все возрастающие задачи, как доказывает своим повествованием

автор романа, требуют коллективного осмысления, объективных решений и целенаправленных сознательных действий во всех звеньях управления и производства.

Правильная позиция. Но все же для большей ясности требуется уточнить: дело не только в «новых задачах» — у нашей партии на всех этапах ее деятельности всегда главным был метод убеждения, а его извращения — аномалией. А на современном этапе развития общества эта аномалия особенно противоречит всему строю нашей жизни и потому получает решительный отпор. Так случилось и с Каштановым, которому, судя по завершающим главам романа, предстоит мучительная переоценка ценностей. Его метод нажима безнадежно забуксовал, когда он ради благополучной сводки приказал бригадире механизаторов колхоза «Авангард», партизанившему Кузьме Мамонову жать комбайнами незрелые хлеба. Как ни нажимал гневно, Кузьма Мамонов был непреклонен. Ему, потомственному земледельцу, жатва нужна для хлеба, а не для цифры в сводке, и потому он спокойно намекает Каштанову: не пора ли уступить место...

Звягинцев демократичен. Для него метод убеждения — главный в руководстве. Но это не мешает ему быть по-партийному требовательным, решительно идти на замену тех, «кто не тянет», не справляется с порученным делом, становится «тормозом» (второй секретарь райкома Чеканов, председатель колхоза Бугров). Умение Звягинцева сблизиться с людьми, по-партийному расположить их к себе, влечет в задуманный разго-

вор — черты, внутренние присущие ему. Это мы видим и в беседе с плотниками на сельской стройке, и в откровенных разговорах со старыми большевиками, а также с доярками по поводу грудностей и непорядков на ферме, и в острой дискуссии о целесообразности объединения двух колхозов, которую ловкий председатель из личной корысти намеревался направить по ложному пути. Эти эпизоды, нам кажется, одни из самых интересных в романе — так же, как и страницы, посвященные жизни и работе рядовых сельских тружеников, особенно Кузьмы Мамонова и семьи Крапивиных. Очевидно, в этом автору помогают знание сельского быта, близкое знакомство со многими из прототипов романа.

Многие страницы «Белой рощи» читаются с интересом, наводят на размышления, а многие вызывают на возражения и полемику. Скажем прямо: роман небезупречен, а злободневность темы — не индульгенция, не щит от критики. Действительно, местами роман весьма рыхл. А рыхлят его непомерно растянутые второстепенные сюжетные линии и связанные с ними повествования, такие, как, например, об острове Лещачьем (для детективности что ли?), о рецидивисте Кержаке, интимном романе председателя сельпо Лютикова, старого волокты, осыпавшего драгоценностями юную легкомысленную Сонечку, девиз жизни которой «Берегись, мужчины!» Не будь этой рыхлости, растянутости, роман приобрел бы ту цельность и динамичность, второй, на наш взгляд, ему не хватает.